

перед отъездом из Советской России. Письмо было передано С. Динамову, который переправил его председателю ВОКСа О. Д. Каменевой⁶. В сопроводительной записке говорилось:

«Уважаемая Ольга Давыдовна!

Посылаю Вам, для использования по Вашему усмотрению, статью-письмо Драйзера о его общем впечатлении от СССР.

С ком[мунистическим] прив[етом]

С. Динамов».

«Тривасу⁷, 12/1-28», — наложила резолюцию на записке С. Динамова О. Д. Каменева.

В ГАРФ также найден отчет безымянного чиновника ВОКСа «О пребывании Драйзера в СССР», в котором дается весьма нелестная характеристика американскому гостю (грамматические особенности источника сохранены).

Все материалы, обнаруженные нами, публикуются в России впервые и приводятся по текстам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 5283).

ДНЕВНИК О ПОЕЗДКЕ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ДРАЙЗЕРА В НИЖНИЙ НОВГОРОД

Прибыли в Нижний Новгород в 9 ч. 30 м. утра 9-го декабря. На вокзале обратилась к агенту ГПУ за справками. Узнав, в чем дело, он сейчас же созвонился с Губисполкомом, куда я тут же отправилась. По предъявлении моего удостоверения к нам [был] командирован тов. из Г.С.П.С.¹ и машина предоставлена в наше распоряжение на целый день. В 12 часов начали с общего осмотра города с остановками по указанию г. Драйзера. Его внимание остановилось на одном прекрасном, новом доме, куда мы направились посмотреть квартиры. Первая оказалась квартирой рабочих железной дороги, во второй квартире живут служащие. После детального осмотра чудных квартир со всеми удобствами, почти в американском духе, и длинных расспросов относительно размера оклада и квартирной платы наш гость выразил восторг этим великолепным домом и условиями жизни жильцов.

Вторая остановка была в рабочем поселке, где мы опять остановились у дома, указанного Драйзером. Одну квартиру занимал красноармеец с своей семьей. В беседе с ним выяснилось, что он служит добровольцем, причем он с гордостью указал, что в царской [стране] не было таких случаев добровольчества. Женщине соседней квартиры был задан вопрос, довольна ли она Советской властью, на что та наивно ответила, что она пока ничего плохого не видела со стороны Сов[етской] власти, что будет дальше — неизвестно. Тут же красноармеец заметил, что мы несомненно идем к лучшему. В общем, впечатление, вынесенное из этих двух домов, самое хорошее. «Видно, что все делается для блага рабочего», — заметил г. Драйзер.

После этого мы поехали на текстильную фабрику «Красный Октябрь», по словам тов. из Г.С.П.С., это одна из самых отсталых

⁶ Ольга Давыдовна Каменева (1881—1941) — жена Л. Б. Каменева и сестра Л. Д. Троцкого.

⁷ Сергей Петрович Тривас — референт ВОКСа по англо-американским странам.

фабрик в смысле технического оборудования. Единственное отрад-ное явление среди старых машин, скудно оплачиваемых бледнолицых работниц и рабочих был вид вентиляторов новейшей системы, на которых истратили в этом году 3 000 000 тысяч руб. Г. Драйзер критиковал Правление за такую нецелесообразную трату денег на негодную фабрику. Впечатление [было] неважное.

После этого мы смотрели Городскую больницу, школу 2-й ступени с вечерними курсами для взрослых, рабочий клуб имени Свердлова и закончили день кинематографом «Поэт и царь». Настроение великолепное, Драйзер был доволен абсолютно всем.

Следующий день — 10-е декабря. Опять машина Губисполкома в нашем распоряжении. Тов. В. и корреспондент местной газеты едут с нами в деревню. По дороге останавливаемся у телефонного завода, сравнительно нового (с 16-го г.), с вновь открытыми отделениями в этом году. Завод произвел в высшей степени хорошее впечатление своим благоустройством. Разговоры с рабочими и общая постановка работы укрепили это впечатление. Г. Драйзер отметил быстроту и ловкость рабочих, что для него было совершенно новым. Оттуда мы направились в ближайшую деревню — «Ближне Борисовск». Г. Драйзер требовал, чтобы ему показали дом, в котором люди живут вместе со скотом и стены покрыты тараканами, но, к сожалению, мы ему этого удовольствия не могли доставить. Все осмотренные нами избы оказались образцово чистыми. Затем направились в Сельсовет. Много было задано вопросов пред[седателю] Сельсовета относительно общего состояния деревни в смысле экономическом и культ[урно]-просветительном, об полномочиях и задачах Сельсовета. Ответы были вполне ободряющие.

Оттуда мы пошли к попу, который очень хорошо нас принял, но уклонялся от прямых ответов. В присутствии представителей власти и прессы трудно было бы ожидать откровенные разговоры от пола.

На вопрос о перспективах церкви он предложил прочесть ответ Троцкого американской делегации на эту тему. Он с этим ответом вполне согласен. Он нам также указал на опровержение ред[акции] «Правды» по этому вопросу.

Наш гость не уловил этой тонкости, как видно, [он] далек от вопросов, касающихся партии.

Дальше посетили школу, говорили с учительницей, читали стенгазету, задавали вопросы относительно внутреннего распорядка школы и о проценте выдвинутых в высшие школы. Ответы были вполне удовлетворительные. Закончили хождение по деревне визитом в Правление кооператива, где для нас был заготовлен чай с закуской. Опять беседа с молодежью, но уже легкого характера: песни, веселье и радушны[й] прием привели г. Драйзера в такой восторг, что он объяснился в любви всей Сов[етской] России, видя перед собой эту прекрасную группу молодых крестьян. Вообще он остался очень доволен своей поездкой в Нижний [Новгород]. По его словам, он здесь впервые увидел Россию и был приятно разочарован нашей действительностью.

Перед отъездом из Нижнего он дал прекрасное интервью корреспонденту Ниж. Нов. газеты: последний обещал прислать сюда несколько экземпляров².
11/XII-1927 г.

(Давидовская).

² Интервью, о котором говорит Давидовская, опубликовано не было. Однако перед отъездом из Нижнего Новгорода Т. Драйзер обратился в редакцию газеты «Нижегородская коммуна» с письмом, которое было напечатано в переводе с английского (см.: «Письмо Теодора Драйзера». — «Нижегородская коммуна», 15 декабря 1927 года).

«ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО Т. ДРАЙЗЕРА ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

После двухмесячного пребывания в Советской России прежде чем я вернусь в Соединенные Штаты, я бы хотел поделиться с русскими людьми первыми впечатлениями о поездке.

Как человек, родившийся на Западе и привыкший к сравнительно мягкому климату Соединенных Штатов, я могу взглянуть на Россию только как на Северное царство, где легко жить лишь тем, кто родился на этой земле. Русские, видимо, закаленные люди, им приходится преодолевать многое из того, что жителям более мягкого климата было бы не под силу. Мне порою кажется, что своей суровой красотой Россия обязана резким ветрам и огромным пространствам. Иногда сожалешь о том, что человеку вообще пришлось покорять ее. Но так как Россию населяют огромные массы людей, чья энергия до сих пор была скована столь суровыми условиями, неудивительно, что она стала ареной нынешнего общественного эксперимента. Что касается меня, то я индивидуалист и умру так-вым. Во всех этих коммунистических начинаниях я не увидел ничего, что разубедило бы меня в моем понимании насущных потребностей человека. Одной из них является мечта об улучшении своего социального положения, и я не почувствовал, что даже здесь коммунизм что-либо изменил. С другой стороны, после невыносимых тягот царизма и дикого капитализма, следы которого еще кое-где ощущаются, я не могу не симпатизировать чувствам тех, кто восстал против угнетения людских масс во имя их полного освобождения и перехода к управлению собственной судьбой. Это настолько очевидно, что теперь не личность вообще, а личность каждого, скажем, ремесленника или кого-то немногим выше вышла на первый план. Все делается для рабочего; интеллигент — если рабочий пожелает этого — должен быть использован на службе общества. Как у индивидуалиста, это, естественно, вызывает у меня улыбку, т. к. я вижу, что крайне индивидуалистически настроенные политические лидеры Европы сегодня только пытаются подвести рабочего к пониманию, что же это все-таки значит; и я глубоко сомневаюсь, что он это понимает или верит в это. Скорее всего он искушаем материальными интересами и верит, что великие, могучие личности в настоящее время стремятся помочь ему в борьбе за лучшую жизнь. И он испытывает чувства благодарности к ним за это. Как и я. Но сомневаюсь, что в Советском Союзе покончено с правом более умных господствовать и занимать ключевые позиции. Уверен, что в России, как и повсюду, у руля власти можно встретить как лицемерных, корыстных людей, так и людей добрых, благоразумных, стремящихся к осуществлению программ, которые должны обеспечить благосостояние и рядовых граждан, и их самих. Так, чтобы с течением времени, а то и сразу получить за свою деятельность как можно больше. Это закон выживания, который, я уверен, никогда не удастся полностью отменить.

То, что на начальном этапе успели сделать для России эти выдающиеся люди, меня восхищает. Во-первых, — к моему огромному удовольствию, — они смели догматическую и иссушающую ум рели-

¹ Губернский совет профессиональных союзов.

гию с ее главенствующими положениями и отодвинули ее на задний план, где ей и место. Кроме того, они дали простор развитию присущего России духа коллективизма, и хотя это развитие еще несколько излишне окрашено новыми догмами коммунизма, я не возражаю против этого, ибо правверный коммунист не обладает в России теперь большим влиянием, и сомневаюсь, что он будет обладать им когда-нибудь в будущем. Ибо, если не ошибаюсь, русские в глубине души реалисты и способны видеть жизнь такой, какая она есть, так что борьбе не должны помешать ни те, кто безнадежно некомпетентен, ни те, кем движет корысть и бездушный материализм.

Мне нравится обширная программа жилищного строительства и явные свидетельства ее выполнения во всех областях Союза. Поразительно уже сейчас повсюду видеть новые заводы, школы, больницы, клубы и научные институты. Я искренне надеюсь, что этот громадный энтузиазм обновления России и использование разного рода западного оборудования не ослабнет до тех пор, пока эта земля не станет раем, который эта весьма удивительная группа идеалистов намерена здесь создать. Россия, конечно, страна, которая нуждается и заслуживает более светлой и благоустроенной жизни. И я сам никогда бы не воспротивился выполнению этой программы.

С другой стороны, существуют явные недостатки или в русском характере, или в выполнении самой программы, или в том и другом, чему надо уделять внимание, по-моему, уже теперь. Среди них — неотложная забота о тысячах бездомных детей, которых в России встречаешь повсюду. Не стоит повторять, как это делают многие, что правительству пока не хватает средств для обеспечения приюта и полечения о детях. Однако при этом я заметил, что профсоюзам хватает средств на строительство своих новых домов, клубов, театров. Но им бы лучше приостановить деятельность в некоторых областях собственного благоустройства, пока они не сделают все необходимое для обездоленных детей. Это позор, это недопустимо, это выставляет русский характер в таком неприглядном виде, которого не потерпел бы народ, если бы он имел достоинство и самоуважение, о которых русские так настойчиво говорят. Другое, что поразило меня, вызвав чувство не только раздражения, но и разочарования, — это всеобщее равнодушие к улучшению санитарных условий. Часто приходилось слышать: «Это будет у нас сделано в будущем», но так много уже можно сделать сейчас, лишь немного добавив к желанию людей жить чище. Русский дом, русский двор, русская улица, русский туалет, русская гостиница, отношение русских к своей внешности — все это вызывает у человека с Запада (и особенно путешественника из Америки) ощущение, которое не делает русским чести, далекое от здорового чувства, и это нельзя, вероятно, объяснить одной бедностью. Столь же бедные люди встречаются в Голландии, Германии, Франции и Англии, но нигде там вы не встретите людей, которые, как русские, принимают это как нечто естественное. Чистоплотность не зависит от закона или указа, ни от процветания как общественного, так и частного, но от самой сути личности. Человек либо любит и признает чистоту, либо нет. Если он ее любит, то совершает невероятные труды, чтобы избавиться от беспорядка и грязи, если человек не любит чистоты, то со стороны закона здесь нечего ждать помощи. Мне кажется, русские, жизнь которых я наблюдал от Балтики до Каспия, значительно равнодушнее к элементарной санитарии, чем более прогрессивные нации, на место которых они теперь претендуют. Нельзя согласиться с тем, что, как многие утверждают, это связано с благосостоянием и уров-

нем промышленного развития; это не так, я утверждаю — это не так. И до тех пор, пока это пятно позора остается, каждый русский лично, а не с общенациональной точки зрения, должен энергично взяться за решение этого вопроса и благоустроить свою среду обитания. Ваши гостиницы, поезда, железнодорожные станции и рестораны слишком грязны и очень плохо оборудованы. Вы не моете достаточно часто окна. Вы не проветриваете помещения. В ваших квартирах или очень жарко, или очень холодно. Ваши квартиры перенаселены, и вы столь безумны, что отождествляете это перенаселение с коммунистическим духом. Я не согласен с этим. В этой связи я бы предложил для большей пользы сей могущественной страны, чтобы в ней было больше индивидуализма и меньше коммунизма.

Теперь, что касается будущего этой великой программы. Я думаю, она успешно завершится при условии, если, во-первых, правительство доведет до конца внедрение новейшей техники во все области производства и, во-вторых, если будет найдено соответствие между затратами производства и заработной платой рабочего. Ибо, насколько я понимаю, прилагается слишком много усилий, чтобы предоставить труженику социальные блага, и слишком мало, чтобы сделать его труд эффективным. Не может быть и речи о семичасовом рабочем дне до тех пор, пока рабочие не заработают столько, чтобы окупить то современное машинное оборудование, которое делает такую продолжительность рабочего дня возможной. Еще одна из серьезных проблем, стоящих перед Советским правительством, — крестьянин и земля. Обучение ста двадцати миллионов крестьян современным сельскохозяйственным методам находится в зачаточном состоянии. Правда, существует большое количество того, что в Америке называется сельскохозяйственными станциями, с современной информацией и машинным оборудованием по сельскому хозяйству. Но одно дело — довести информацию до крестьянина, другое — заставить его работать с ее учетом. Насколько мне известно — если только мне говорили правду, — он хочет лишь, чтобы его оставили в покое, позволили работать так, как он работал до сих пор. Проблема, как его заинтересовать, лишь только встает на повестку дня, и я вижу, что его безразличие к ней станет для вас одним из самых серьезных испытаний. Тогда как я бы предложил, чтобы правительство разделило землю по районам и согласно местным условиям, поставило во главе каждого земледельческого района — агронома или совет агрономов, чье дело развивать районы, как это делается, исходя из коммерческих или финансовых перспектив, во всем мире. Правительство должно снабдить их техникой и другим необходимым оборудованием и затем нанять фермеров так же, как фабрикант нанимает рабочих. Они должны быть объединены в союзы с поденной оплатой и оговоренной продолжительностью рабочего дня и заботиться о собственном благосостоянии так, как в настоящее время заботятся об этом профсоюзы. Посредством этого их производительность могла бы достичь требуемого уровня; фермерские объединения могли бы стать основным поставщиком урожая. Литература, оборудование, методика должны быть доступны фермеру, члену профсоюза, и таким образом огромные плодородные сельскохозяйственные угодья России будут реализованы полностью. Если это будет сделано, Россия безусловно выдвинется в ряды экономически процветающих и сильных государств. Она станет первой, которая решит ту сложную и гнетущую проблему, которая сейчас стоит перед всеми странами, невзирая на то, по капиталистическому пути они развиваются или нет.

Несмотря на многие трудности, которые мне довелось испытать во время своего путешествия, я благодарен за возможность стать очевидцем великого эксперимента и увожу самые лучшие впечатления и желаю ему удачного завершения.

Одесса, 13 января, 1928.

Теодор Драйзер

О ПРЕБЫВАНИИ ДРАЙЗЕРА В СССР

Теодор Драйзер — американский писатель-новеллист, приглашенный на Октябрьские торжества Межрабпомом, пробыл в СССР около двух месяцев. Вообще вся история приглашения Драйзера в СССР является сплошным недоразумением, так как он был приглашен от имени ВОКСа, тогда как ВОКС об этом узнало только по приезду Драйзера в Москву и тот факт, что настроения Драйзера очень колебались в СССР, в зависимости от степени того комфорта, в котором ему приходилось находиться, и других связанных с этим объективных условий, объясняются отчасти тем, что обещания, данные Драйзеру в Америке от имени ВОКС[а] не уполномоченными на это людьми, не соответствовали той действительности, которая была в рамках наших возможностей.

Если исходить из того, что Драйзер к тому же типичный буржуазный писатель, со специфической мелкобуржуазной индивидуалистической идеологией, не желающей снисходить до глубокого анализа, явления, которые по своей новизне и противоречиям являются совершенно чуждыми ему, Драйзера, мировоззрению, и то, что он слишком стар, чтобы эти явления, переломляясь у него в мозгу под известным углом зрения, могли оказать известное влияние на его мнение, но в силу всех этих причин его пребывание в нашем Союзе в том виде, в каком оно отразится в его статьях о нас, мы сможем служить отражением нашей советской действительности с точки зрения нашей классовой и экономической политики. Драйзер слишком стар и болен для того, чтобы вникать в суть тех явлений, с которыми ему приходится сталкиваться, это с одной стороны, с другой стороны — он абсолютно ничего не смыслит в экономике и очень мало что в политике. Как это было видно из его бесед с представителями нашей общественности, хозяйственниками, а также лицами, его сопровождавшими, Драйзер высказал точки зрения настолько противоречащими нашим понятиям об улучшении экономических условий пролетариата, но и вообще в корне противоречащими всякому понятию о какой бы то ни было классовой борьбе. Например, он стоял на том, что в Америке экономические условия рабочего класса с каждым днем улучшаются при содействии и непосредственном участии капитализма, а также, что вся деятельность американского капитализма направлена на улучшение и развитие общественных и технических условий жизни в Америке, и что большинство крупных капиталов абсолютно не являются в единичном пользовании отдельных лиц, а идут на общественные дела. Ясно, что такие точки зрения могут быть высказаны только человеком настолько ин[д]ивидуальным, не считающимся ни с какими политическими, экономическими и классовыми взаимоотношениями в жизни страны.

Привыкнув к обычному комфорту буржуазных государств, Драйзер рассматривал все встречающееся у нас в этом отношении проволочки нашей отсталостью и неумением налаживать нормальной обстановки в стране. Приехав из страны, достигнувшей высшей

степени технического развития, его мелкобуржуазный дух не смог приспособиться к стране, где техника, конечно, стоит на более низкой ступени развития, чем в Америке, и при каждом шаге его привыкшая к стандартному комфорту натура испытывала шок, которые в известной степени отражались на его выражениях и на его мнениях (грязь на улицах, опоздание поездов, запylенные окна, гостиницы без американской техники и бедность одежды). Все, что ему приходилось видеть, воспринималось им не с конструктивно-критической точки зрения, с более глубокими аналитическими корнями, но чисто псевдомерно, с колокольни туриста, приехавшего в неизвестный край без особенной цели, только в погоне за внешним впечатлением. Однако, приходится констатировать, что Драйзер во всех своих посещениях сталкивался с фактом, что все, что здесь делается, делается для рабочего класса, на него также произвело громадное впечатление борьба Рабоче-Крестьянского Правительства с влиянием религии на широкие массы, что было им с удовлетворением отмечено в его прощальном письме-статье, предназначенного для советского читателя, а также полное отсутствие в наших общественных деятелях личной заинтересованности во всем, что они делают для общего дела. В чем же могут заключаться письменные впечатления Драйзера о Советском Союзе, которые он даст американскому читателю. Это будет повествование, не носящее никакого политического или экономического характера о путешествии иностранца в неизвестной стране, где все внешние проявления жизни — есть диковинка и новость для него. Никакого политического анализа этих явлений не будет дано, наши недостатки он будет объяснять не экономической отсталостью нашей страны, являющейся следствием целого ряда стихийных событий, а просто неумением руководить и направлять такое большое государство. Независимо от этого Драйзер все же представит вещи в таком виде, что читатель поймет, что при Советской власти широкие массы рабочих и крестьян получили и пользуются такой свободой, какой не существовало ни при царе, ни в других местах. Это будет им сделано не из дружеских к нам побуждений, а оттого, что с этим ему приходилось сталкиваться всюду, где бы он не появлялся.

Если не считать Драйзера, как индивидуалиста, а как представителя группы радикальных литераторов, которые при современном положении в капиталистических странах все более и более склоняются влево, можно почти с уверенностью сказать, что они, по всей вероятности, если не из чувства дружбы, то из объективных побуждений (на что их наталкивает экономическое положение в их стране) смогли бы постепенно расчищать даже в форме не политического и экономического анализа положение в Советской России, предубеждения широких общественных масс, как среди мелкой буржуазии, так и более средних торгово-буржуазных кругов в пользу большего сближения с нашим Союзом, как торгового, так и политического. Поэтому можно считать приезды и приглашения такой категории лиц желательными.

Вступительная статья, публикация, перевод с английского и комментарии В. АЛЕКСАНДРОВА.